

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1929—1933 ГГ. И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА Г. ГУВЕРА В АМЕРИКАНСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

■
А. А. Кредер

Экономический кризис 1929—1933 гг. оставил глубокий след в национальной исторической мысли США¹. В обыденном сознании американцев этот период по своей значимости приравнен к таким событиям американской истории, как война за независимость, гражданская и вторая мировая война². Но если эти последние события вызывали и вызывают у американцев заслуженную гордость за прошлое своей страны, то кризисные годы рассматриваются как одна из самых мрачных страниц национальной истории. Поэтому интерес к этому периоду со стороны как широкой публики, так и американских историков не был постоянным, он менялся в зависимости от изменений во внутривластической жизни США.

В 30—40-е годы интерес к периоду экономического кризиса был обусловлен стремлением демократов воспользоваться неудачами республиканцев в те годы для их дискредитации и ответным стремлением республиканцев как-то оправдать эти неудачи. И хотя тогда сформировались концепции, оказавшие влияние на последующую историографию, дискуссия эта носила по преимуществу публицистический характер; собственно исторических работ, посвященных изучению периода экономического кризиса, было немного³.

В 50-е годы ситуация изменилась. Обстановка «холодной войны», сдвиг вправо оси политической жизни породили в буржуазной историографии тенденцию оправдать особую миссию США в мировой истории ссылаясь на уникальность ее исторического

¹ В американской буржуазной литературе бытует термин «эпоха великой депрессии», употребляемый для характеристики отрезка истории, начавшегося с биржевой паники 25 октября 1929 г. и продолжавшегося до момента вступления США в войну в декабре 1941 г. В рамках этого исторического периода выделяют этап «великого падения» вплоть до банковского кризиса в феврале — марте 1933 г., совпавшего со сменой вашингтонской администрации, и этап «нового курса».

² Galbraith I. K. *The Great Crash*. Cambridge, 1955, p. 1; Chandler L. V. *America's Greatest Depression, 1929—1941*. N. Y., 1970, p. VII.

³ См., например: Myers W. S., Newton W. H. *The Hoover Administration*. N. Y., 1936; Wilbur R. L., Hyde A. M. *The Hoover Policies*. N. Y., 1937; Mitchell B. *Depression Decade*. N. Y., 1947; Wecter D. *The Age of the Great Depression*. N. Y., 1948.

опыта. Эта уникальность была сведена к характерному (якобы только для США) быстрому материальному, духовному и т. п. прогрессу при полном отсутствии классовой борьбы (идея «консенсуса»). Кризисные годы стали, естественно, «неактуальной» темой.

Неблагоприятным для изучения этого периода стал и социально-психологический фон в стране. В годы экономического кризиса, самого глубокого и самого значительного в истории США, были основательно поколеблены устои американского национального характера: индивидуализм, вера в прогресс и буржуазные институты власти. Психологический шок, пережитый тогда, вызвал в послевоенные годы, годы сравнительно благоприятной экономической конъюнктуры и формирования «общества потребления», болезненное стремление забыть о кризисе. Для миллионов американцев, писал в 1952 г. публицист Ф. Л. Аллен, кризис ассоциировался с «такими мучительными воспоминаниями, что они старались, возможно бессознательно, избавиться от них. Любой писатель, который в своей хронике доходит до этого времени, помнит, что на этом месте многие читатели будут испытывать соблазн закрыть его книгу»⁴. Наконец, надо иметь в виду и слабость тогдашней источниковедческой базы для изучения этого периода: архив Г. К. Гувера был закрыт, а мемуарная литература сравнительно бедна⁵.

Всем этим и объясняется скудость литературы 50-х — начала 60-х годов, так или иначе касающейся периода экономического кризиса. Причем стимулом к написанию вышедших в эти годы работ было либо стремление реабилитировать Г. К. Гувера (понятное ввиду возвращения республиканцев в Белый дом и тогдашней историографической тенденции⁶), либо ответное желание отстоять политику демократов и Ф. Д. Рузвельта⁷.

Во второй половине 60-х годов социально-политический климат в стране резко изменился. Борьба против расовой дискриминации и войны во Вьетнаме стала толчком к мощному подъему демократического движения, которое сразу приобрело определенно радикальную окраску. Все это сказалось и на американской историографии. Оформление в ней «нового левого» течения оживило интерес к тем сюжетам, которых избегали сторонники идеи

⁴ Allen F. L. *The Big Change. America Transforms Itself, 1900—1950*. N. Y., 1952, p. 147.

⁵ Этому периоду, в частности, был посвящен 3-й том вышедших в 1952 г. мемуаров Г. Гувера, в котором автор, однако, продолжал скорее полемику со своим, уже покойным, политическим противником, нежели предавался воспоминаниям. См.: *The Memoirs of Herbert Hoover*. N. Y., 1952. Vol. 3.

⁶ Wolfe H. *Herbert Hoover. Public Servant and Leader of the Loyal Opposition*. N. Y., 1956; Warren H. G. *Herbert Hoover and the Great Depression*. N. Y., 1959; Rosasco A. U. *The Poverty of Abundance*. N. Y., 1965.

⁷ Galbraith I. K. *Op. cit.*; Schlesinger A. M., Jr. *The Age of Roosevelt. The Crisis of the Old Order*. Toronto, 1957; Leuchtenburg W. E. *The Peril of Prosperity*. Chicago, 1958; Hicks J. D. *Republican Ascendancy*. N. Y., 1960; Degler C. N. *The Ordeal of Herbert Hoover*. — *Yale Review*, 1963, Summer, vol. 52, N 4.

«консенсуса», — классовым конфликтам и положению трудящихся, радикальным движениям и массовому протесту. Это не могло не стимулировать интереса к кризисным годам.

Изменилась и экономическая конъюнктура. Подряд два экономических кризиса, замедление темпов роста, значительная безработица заставляли проводить некоторые аналогии с кризисом 1929—1933 гг., и это служило дополнительным стимулом к изучению того периода.

К тому времени расширилась источниковая база для исследовательской работы. Историкам стали доступны значительные по объему архивные документы (а с 1964 г. и богатый архив Г. Гувера в Уэст-Брэнч, штат Айова). Наконец, ушел в прошлое и психологический иммунитет, который препятствовал плодотворному изучению того периода: к началу 70-х годов большую часть населения страны составляли лица, родившиеся после кризиса 1929—1933 гг.

Становится понятным поэтому чрезвычайное обилие трудов, в которых рассматривается история США в тот период. В настоящее время мы располагаем работами о воздействии кризиса на жизнь простых американцев и на всю американскую экономику, на американскую культуру и общественную мысль⁸, а также исследованиями о движениях массового протеста⁹. В период подлинного расцвета вступила американская гуверпана: в 1974 г. приступили к изданию полного собрания президентских речей и посланий, уже издан полный библиографический указатель его работ¹⁰. О Гувере и внутренней политике его правительства издано много монографий¹¹, два сборника статей¹², в 1973 г. этому сюжету была посвящена специальная конференция американских историков.

⁸ Meltzer M. *Brother, Can You Spare a Dime? The Great Depression, 1929—1933*. N. Y., 1969; Terkel S. *Hard Times*. L., 1970; The Great Depression and American Capitalism. Boston, 1968; Chandler L. V. *Op. cit.*; Rothbard M. N. *America's Great Depression*. Los Angeles, 1972; Azon Y. *The Stock Market Crash of 1929*. N. Y., 1974; Temin P. *Did Monetary Forces Cause the Great Depression*. N. Y., 1976; Elder G. H. *Children of the Great Depression*. Chicago, 1974; Trolander J. A. *Settlement Houses and the Great Depression*. Detroit, 1925; Heern C. R. *The American Dream in the Great Depression*. Westport, 1977.

⁹ Daniels R. *The Bonus March: An Episode of the Great Depression*. Westport, 1971; Lisio D. J. *The President and Protest*. Columbia, 1974.

¹⁰ Tracey K. *Herbert Hoover — a Bibliography of his Writings and Addresses*. Stanford, 1977.

¹¹ Steinberg A. *Herbert Hoover*. N. Y., 1967; Smith G. *The Shattered Dream. Herbert Hoover and the Great Depression*. N. Y., 1970; Lloyd G. *Aggressive Introvert: A History of Herbert Hoover and Public Relations Management*. Columbus, 1977; Sobel R. *Herbert Hoover and the Onset of the Great Depression, 1929—1930*. Philadelphia, 1975; Robinson E. E., Bornet V. D. *Herbert Hoover: President of the United States*. Stanford, 1975; Wilson J. H. *Herbert Hoover. Forgotten Progressive*. Boston, 1975; Rosen E. A. *Hoover, Roosevelt, and the Brain Trust*. N. Y., 1977.

¹² Herbert Hoover and the Crisis of American Capitalism / Ed. by J. J. Hutchmacker, W. I. Susman. Cambridge, 1973; The Hoover Presidency: A Reappraisal / Ed. by M. L. Fausold, G. T. Mazuzan. Albany, 1974.

Таким образом, хотя интерес к истории США в годы экономического кризиса 1929—1933 гг. и не был постоянным, в настоящее время уже есть достаточный материал для историографического анализа. Более того, есть необходимость отбора проблем, вокруг которых разворачивались наиболее острые дискуссии. Наш взгляд, к таковым относятся: причины экономического кризиса 1929—1933 гг. и его место в истории американского капитализма, роль и значение деятельности правительства Гувера в политической истории США.

Рассмотрение первых двух проблем — задача историков экономики, но сложилось так, что эти вопросы оказались в поле зрения «обычных» американских историков. Это связано с тем, что, как правильно отмечал американский историк Химмелберг, «политическая история десятилетия депрессии — это во многом история столкновения вокруг или в связи с быстрыми изменениями экономической политики»¹³. Кроме того, поскольку кризис никак не соответствовал устоявшимся среди историков американской экономики взглядам на ее развитие как на процесс постоянного и равномерного накопления экономической мощи, они некоторое время просто игнорировали специфические проблемы экономического кризиса¹⁴, что обеспечило монополию тех же «обычных» историков на рассмотрение этих вопросов. Все это заставляет нас попытаться разобраться в существе происходившей дискуссии.

Возникла она еще в годы кризиса. На первых порах его пытались представить как нечто естественное, как необходимую издержку «процветания 20-х годов», а поэтому даже полезное для охлаждения чрезмерного «оптимизма», но вскоре оптимистическими оказались эти представления о кризисе. Начались интенсивные поиски причин уникальной его глубины и длительности, которые привели к оформлению двух основных концепций. Политическая значимость обсуждаемых вопросов обусловила выход этой дискуссии за рамки академической общины: одну из этих концепций отстаивал президент Гувер, другую — его соперник на выборах 1932 г. Ф. Д. Рузвельт.

Для гуверовской концепции были характерны следующие моменты. Прежде всего, с его точки зрения, внутренних причин для столь глубокого кризиса в стране не было, временные трудности были следствием «перегрева» экономики в годы «процветания», выразившегося в разгуле биржевых спекуляций и некотором ослаблении кредитно-финансовой структуры. Главная же причина столь резкого и длительного падения производства заключалась в совпадении этих временных затруднений с «мировой депрессией», которая в свою очередь была связана с измене-

¹³ The Great Depression and American Capitalism, p. VI.

¹⁴ Так, один из самых авторитетных историков американской экономики, Э. Л. Богарт, даже в 40-е годы не выделял кризис в качестве объекта особого рассмотрения. См.: Bogart E. L., Kemmerer D. L. Economic History of American People. N. Y.; L., 1943.

ниями в мировой экономике после войны. Признание решающей роли внешних факторов позволяло Гуверу отказываться от признания особой ответственности его самого и республиканской партии за кризис и оправдывать сравнительную пассивность правительства в годы кризиса¹⁵. Концепция эта может быть определена как консервативная.

Рузвельт и его сторонники, наоборот, отдавали безусловный приоритет внутренним причинам, и прежде всего сложившемуся отставанию потребительского спроса от уровня производства, обусловленному неравным распределением национального дохода. С этой точки зрения Рузвельт и демократы критиковали деятельность республиканцев в целом, которые, отказавшись от реформизма в духе В. Вильсона, якобы предопределили неизбежность кризиса, и Гувера, в частности не принявшего должных мер для восстановления баланса производства и потребления. Тем самым обосновывалась необходимость расширения государственного регулирования экономики и проведения социальных реформ¹⁶. Эта концепция, таким образом, носила реформистский характер.

Резко отличались эти концепции и в определении места кризиса в истории американского капитализма. Из гуверовской концепции, в основе которой было признание в целом здорового состояния американской экономики, логически вытекало, что преодоление «временных» трудностей будет означать автоматическое восстановление прерванного «процветания». Кризис не имел, с этой точки зрения, этапного характера и вовсе не исключал возможности дальнейшего динамичного роста экономики.

Сторонники реформистской концепции рассматривали кризис как поворотный пункт в экономической истории США, свидетельствовавший о переходе к «зрелой» экономике, характерными чертами которой являются большая взаимозависимость секторов экономики и относительно стабильный внутренний рынок. Наиболее полно выразил эту идею Э. Хансен, создатель теории «стагнации». С его точки зрения, быстрый экономический рост в силу этих структурных сдвигов невозможен, главной задачей поэтому должно быть обеспечение экономической стабильности, а не роста¹⁷.

Дискуссия о причинах кризиса и его месте в экономической истории США была вызвана обострением борьбы соперничающих фракций правящего класса — консервативной и реформистской, определенный отпечаток на которую наложил подъем демократического, антимонополистического движений 30-х годов. Домини-

¹⁵ Campaign Speeches of 1932 by President H. Hoover and Ex-President C. Coolidge. N. Y., 1933, p. 67, 83—86; The Memoirs of Herbert Hoover, vol. 3, p. 2—4.

¹⁶ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt / Compl. and coll. by S. Rosenman. N. Y., 1938, vol. 1, p. 651, 657, 660, 699, 782—784. См. также: Крейдер А. А. Некоторые вопросы развития американской либерально-реформистской мысли (1929—1938 гг.). — В кн.: Американский ежегодник, 1977. М., 1977, с. 6—17.

¹⁷ Hansen E. Full Recovery or Stagnation. N. Y., 1938.

рующие позиции, захваченные реформистской фракцией в этой борьбе, обусловили и ведущее положение соответствующей концепции.

Важным фактором, усилившим в конце 30-х — начале 40-х годов влияние реформистской концепции кризиса, стало усвоение ее сторонниками теории Д. М. Кейнса. Кейнсианство, которое в объяснении причин и значения кризиса было почти тождественным реформистской концепции, обладало и некоторыми неоспоримыми преимуществами: более глубоким теоретическим обоснованием государственного регулирования экономики и более совершенной макроэкономической методологией. Эти преимущества предопределили быстрое распространение кейнсианства в США и тем самым усиление влияния реформистской концепции кризиса на буржуазную общественную мысль¹⁸. В послевоенные же годы, когда государственное регулирование стало постоянным фактором экономической жизни США, и кейнсианство поэтому превратилось в ведущее направление буржуазной политэкономии, реформистская концепция кризиса заняла господствующее положение.

Не случайно поэтому в большинстве исторических исследований 30—60-х годов именно эта концепция доминировала при анализе причин кризиса 1929—1933 гг. и его значения¹⁹. Причем даже те историки, которые в 50—60-е годы предпринимали попытки реабилитировать правительство Гувера, вынуждены были отказаться от гуверовской концепции кризиса в пользу реформистской²⁰.

Что же касается сторонников консервативной концепции кризиса, то они, занимая оборонительные позиции, были наиболее активны лишь в 30—40-е годы²¹.

Реформистская концепция кризиса, заняв господствующее положение, претерпела в 60-е годы определенную трансформацию. Характерная для нее, как и для кейнсианства в целом, пессимистическая оценка возможностей быстрого роста экономики, обусловившая преимущественный интерес к поиску методов дости-

¹⁸ Крейер А. А. Кейнс и американская буржуазная экономическая мысль в 30-е годы XX века. — В кн.: Новая и новейшая история. Саратов, 1977.

¹⁹ Beard Ch. A., Beard M. R. *America in Midpassage*. N. Y., 1939, p. 89—90; Nevins A., Commager H. S. *America: The Story of a Free People*. Boston, 1943, p. 468—469; Wecter D. Op. cit., p. 8—10; Leuchtenburg W. E. Op. cit., p. 245—246; Schlesinger A. M., Jr. Op. cit.; Hicks J. D. Op. cit., p. 230—233; Degler C. N. Op. cit.; Shannon D. A. *Between the Wars*. Boston, 1965, p. 122—125. См. также работы по экономической истории: Shannon F. A. *America's Economic Growth*. N. Y., 1940, p. 727—732; Kirkland E. C. *A History of American Economic Life*. N. Y., 1941, p. 701—706; Soule G., Carosso V. P. *American Economic History*. N. Y., 1957, p. 520—523.

²⁰ Parkes H. B. *The United States of America: A History*. N. Y., 1953, p. 620—621; Wolfe H. Op. cit., p. 219—222; Warren H. G. Op. cit., p. 7—15; Romano A. U. Op. cit., p. 3—5.

²¹ Ayres L. P. *The Economics of Recovery*. N. Y., 1934; Myers W. S., Newton W. H. Op. cit., p. 5—6; Wilbur R. L., Hyde A. M. Op. cit., p. 486; Blining A. C. *The Rise of American Economic Life*. N. Y., 1943, p. 603—604; Mitchell B. Op. cit., p. 27.

жения экономической стабильности, была взята под сомнение, основанием для которого стало превратно истолкованное послевоенное экономическое развитие США. «По сравнению с бурной историей XIX столетия и катастрофическими 30-ми годами период 1948—1963 гг. может рассматриваться как период высокой стабильности роста экономики», — писал Э. Хансен²². Поскольку причина изменения динамики экономического развития, с точки зрения Хансена и кейнсианцев вообще²³, заключалась в политике государственного регулирования экономики, то делался вывод о возможности достижения теми же средствами более высоких темпов роста. Учитывая же реальности экономического соревнования различных социальных систем, решение этой задачи стало политической необходимостью. В итоге методы государственного регулирования экономики были перестроены с учетом этой задачи, а кейнсианство дополнено теорией экономического роста²⁴.

В соответствии с этими изменениями в кейнсианской доктрине история американской экономики стала опять рассматриваться как процесс ее непрерывного роста. Роль кризиса 1929—1933 гг. теперь видели лишь в том, что он ускорил выработку методов государственного регулирования. Соответственно изменилась и трактовка внутренних причин кризиса; на первое место в их ряду стала выдвигаться неподготовленность правительства и общественного мнения к массированному государственному вмешательству в экономику. В таком контексте кризис 1929—1933 гг. уподоблялся железнодорожной стрелке, переведшей локомотив американской экономики на новый путь, сулящий более высокие скорости. Наконец, из обновленной трактовки причин кризиса делался вывод о невозможности его повторения; ведь теперь правительство и публика подготовлены к государственному вмешательству в экономику²⁵.

Однако если 60-е годы, с их сравнительно благоприятной экономической конъюнктурой, были периодом расцвета кейнсианства, то в 70-е годы оно уже вызвало острую критику. Это было обусловлено главным образом кризисом сложившихся форм государственного регулирования на фоне происшедших подряд двух экономических кризисов, спада темпов развития экономики и роста массовой безработицы, а также осознанием невозможности решения социально-экономических задач за счет ускорения экономического роста.

Естественным следствием кризиса кейнсианства стало усиление позиций соперничающих направлений. Прежде всего это коснулось чикагской школы во главе с экономистом М. Фридме-

²² Хансен Э. Послевоенная экономика США. М., 1966, с. 38.

²³ Хансен Э. Указ. соч., с. 52—54; Bolino A. C. The Development of the American Economy. Columbus, 1966, p. 503.

²⁴ Альтер Л. Б. Буржуазная политическая экономия США. М., 1971, с. 548—550.

²⁵ Хансен Э. Указ. соч., с. 54; Bolino A. C. Op. cit., p. 503; Soule G., Carosso V. P. Op. cit., p. 522—523; Burck Y., Silberman C. E. Why Depression Lasted So Long. — Fortune, 1955, Mar.

ном²⁶. Рассматривая в качестве главного фактора изменений в динамике экономического развития колебания объема денежной массы, сторонники чикагской школы считали регулирование этого объема единственно возможной формой воздействия государства на экономику и критиковали сложившиеся уже формы. Со-ответственно причиной кризиса 1929—1933 гг. Фридмен полагал сокращение объема денежной массы. Отдавая, таким образом, приоритет внутренним факторам, он критиковал действия Гувера, а меры его администрации по ужесточению кредита рассматривал как причину углубления кризиса.

Вместе с тем, отличаясь от гуверовской концепции признанием приоритета внутренних причин кризиса, концепция Фридмена близка к ней тем, что не признает каких-либо сдвигов в американской экономике, дающих основание для вывода об истощении внутренних потенций развития американского капитализма, и отрицает тем самым этапный характер кризиса 1929—1933 гг.²⁷ Последний момент сочетается в концепции Фридмена с апологетикой свободного предпринимательства, что в совокупности позволяет характеризовать ее как неоконсервативную.

Одновременно с усилением позиций чикагской школы заметным явлением в буржуазной экономической мысли 70-х годов стало ультраконсервативное течение, представители которого выступили не просто с критикой государственного регулирования экономики, а усматривали в нем главное препятствие экономическому развитию США. Так, историк М. Н. Ротбард делал вывод о том, что и кризис 1929—1933 гг. был следствием государственного вмешательства в экономику, и в частности политики «дешевых денег», проводившейся Гардингом и Кулиджем. А поскольку, по его мнению, единственное средство предотвратить кризисы и бороться с ними — это политика *laissez faire*, он решительно критикует даже те робкие меры, которые предприняло правительство Гувера для смягчения кризиса²⁸.

Но усиление позиций чикагской школы и распространение ультраконсервативных взглядов — это следствие скорее падения престижа кейнсианства, нежели большей способности этих направлений дать убедительный ответ на те вопросы, перед которыми кейнсианство спасовало. Возврат к свободной конкуренции, за который ратует Ротбард, не более чем утопия, а концепция чикагской школы неубедительна уже в силу противоречащего этой концепции, но очевидного факта, что кризисы 70-х годов проходили при наличии избытка денежной массы, выразившегося в инфляции. Подтверждением неспособности дать ответ на вопрос о причинах кризиса 1929—1933 гг. с точки зрения и кейнсианства, и чикагской школы является работа экономиста П. Темина. Сопоставляя кейнсианскую и фридменовскую концепции, он при-

²⁶ Критика современной буржуазной политэкономии. М., 1977, с. 107—117.

²⁷ *Friedmann M., Schwartz A. J. A Monetary History of the United States. Princeton, 1963, p. 394, 406, 676.*

²⁸ *Rothbard M. N. Op. cit., p. 27, 32, 167—168.*

шел к выводу, что истинность их в равной мере спорна и принятие той или иной точки зрения было бы лишь «актом веры»²⁹.

Отсюда становятся понятными и попытки интегрировать в рамках буржуазной политэкономии марксистскую теорию экономических кризисов, попытки, характерные как для возникшего радикального направления, так и для части институционалистов и заранее обреченные на неудачу³⁰.

В эти годы претерпела реинтерпретацию и реформистская трактовка значения кризиса 1929—1933 гг. Прежде всего был отброшен оптимистический вывод кейнсианцев 60-х годов, что кризис подобного масштаба впредь уже невозможен. Более того, стало традицией сопоставлять кризис 1929—1933 гг. и экономическое положение США в 70-е годы как события равнозначные по своему этапному характеру. Поэтому кризис 1929—1933 гг. стал рассматриваться не как поворотный пункт в истории американской экономики, преодоление которого якобы открыло неограниченные возможности для ее развития, а лишь как один из этапов, драматичный по форме, ликвидация накопившихся структурных диспропорций в экономике и приспособление экономической политики буржуазного государства к этим экономическим сдвигам. Р. Л. Хейлбронер, например, выделяет в истории США четыре подобных по своему этапному характеру кризиса: 40-х годов XIX в., 90-х годов XIX в., 1929—1933 гг., 70-х годов XX в.³¹

Закljučая этот краткий анализ почти полувековой дискуссии о причинах экономического кризиса 1929—1933 гг. и его места в истории американского капитализма, следует отметить, что, пожалуй, ее единственным достижением является окончательное утверждение тезиса о внутренних причинах кризиса. Что же касается анализа этих причин и определения значения кризиса, то пока мы не можем констатировать достаточно убедительной или хотя бы общепринятой точки зрения по этим проблемам, несмотря на обилие выдвинутых концепций и более изощренную методологию.

Непростой оказалась и историографическая судьба президента Г. К. Гувера и его правления, сроки которого почти совпадали с хронологическими рамками кризиса 1929—1933 гг. При этом характерной чертой буржуазной историографии внутренней политики правительства Гувера стал в соответствии с субъективистской тенденцией, наметившейся в 30-е годы и окончательно утвердившейся после войны, преимущественный интерес к самому Гуверу и его драматической карьере.

Поэтому, интерпретируя его политику, буржуазные историки искали ответа на вопросы, почему Гувер, имевший за спиной блестящую деловую и политическую карьеру, считавшийся «великим гуманистом» — за организацию продовольственной помощи

²⁹ Temin P. Op. cit., p. 10—15, 178.

³⁰ Милейковский И. «Капитал» К. Маркса и кризис буржуазной политэкономии. — Мировая экономика и междунар. отношения, 1977, № 9.

³¹ Heilbroner R. L. Beyond Boom and Crash. N. Y., 1978, p. 77—79.

воюющей Европе, «великим инженером» — за вклад в развитие мировой горнорудной промышленности, «великим бизнесменом» — за то, что при этом не забыл и себя, наконец, «великим ученым» — за использование научных методов в бизнесе и политике, уже через три года своего президентства оказался символом несчастной Америки и некомпетентности правительства, именем которого называли хлебные очереди, поселки безработных и сам кризис? Почему Гувер, чьей благосклонности упорно добивались после войны обе оскудевшие на таланты буржуазные партии и который, будучи министром торговли, на фоне бесцветных президентов-республиканцев 20-х годов казался средоточием государственной мудрости, он, одержавший победу на выборах 1928 г. с беспрецедентным перевесом, не смог добиться традиционного продления своего мандата в 1932 г. и потерпел сокрушительное поражение от Ф. Д. Рузвельта?

Так поиски ответа на эти вопросы оказались увязанными с ответом еще на один, оказавшийся для американских историков поистине роковым и поставленный еще в 1933 г. известным журналистом У. А. Уайтом: является ли Гувер последним из старых президентов или первым из новых. Вопрос, в котором было намечено и основное направление поисков: сопоставление Г. Гувера и Ф. Рузвельта. В этом направлении и развивалась американская буржуазная историография внутренней политики Гувера.

Поначалу это сопоставление было настолько не в пользу Гувера, что его безоговорочно причислили к последнему из «старых» президентов, предпочитавших политику государственного невмешательства. Причем такие оценки появились еще до выборов 1932 г. «Все его достижения за время величайшего национального бедствия — это невероятные в своей бездонности некомпетентность, ничегонеделание и реакционное комедианство», — писали авторы анонимно изданной в 1931 г. «Вашингтон мерригоу-раунд». Они же объявили многочисленные таланты Гувера мифом, который «был создан одной из наиболее умелых пропагандистских машин в истории американской политики» и который развалился как картонный домик при первых ударах кризиса, обнажив истинного Гувера, Гувера-ретрограда³².

По мере углубления кризиса и приближения президентских выборов 1932 г., когда демократы почувствовали, что кризис дает им шанс занять Белый дом, и сосредоточили против Гувера всю свою пропагандистскую машину, шквал критических выпадов в адрес администрации и президента достиг апогея. Помимо обвинений в ничегонеделании и некомпетентности, в ход были пущены версии и о том, что Гувер даже использовал поставки продовольствия в голодающую Европу в целях наживы, и о том, что он вообще не американец, поскольку большую часть жизни провел вне США, что он мизантроп, не способен к элементарному сочув-

³² Washington Merry-Go-Round. N. Y., 1931, p. 54—55.

ствию и т. д.³³ Гувер записал в мемуарах, что демократы потратили до миллиона долларов на финансирование этой кампании³⁴.

Сам Ф. Рузвельт, хотя и воздерживался в ходе предвыборной кампании от личных выпадов, тем не менее считал политику Гувера разновидностью политики *laissez faire* и противопоставлял ей свой, реформистский подход. Его политика, в свою очередь сводившаяся к беспрецедентному расширению масштабов государственного регулирования экономики, выглядела внешне настолько ярким контрастом с деятельностью Гувера, что, с легкой руки журналиста Э. Линдли, стала ассоциироваться даже с «революцией»³⁵. Такая оценка «нового курса» недвусмысленно относилась за Гувером роль последнего представителя «старого порядка».

И Гувер, и его бывшие сотрудники приложили немало усилий в 30-е годы, чтобы защитить себя от этих обвинений. В 1934 г. был издан двухтомник избранных президентских речей и посланий Гувера, а сам он написал антирузвельтовский памфлет «Вызов свободе»³⁶. В 1936 г. вышла документированная история его президентства, подготовленная У. С. Майерсом и У. Г. Ньютоном, в 1937 — книга бывших министров в правительстве Гувера Р. Л. Уилбура и А. М. Хайда. «Президент Гувер, — писали Майерс и Ньютон, — был первым президентом в нашей истории, предложившим федеральное руководство в мобилизации экономических ресурсов народа...» «История подтвердит, — вторили Уилбур и Хайд, — что Гувер начал и развил в большей степени политику исправления злоупотреблений бизнеса и поощрения экономической жизни, чем любой президент до него»³⁷. Неудачи его правительства были обусловлены, по мнению и тех и других, мировым масштабом кризиса и обструкционистской позицией демократов, контролировавших конгресс с 1930 г., а не приписываемой Гуверу некомпетентностью и пассивностью.

Попытки Гувера и его окружения добиться пересмотра утвердившейся отрицательной оценки деятельности его правительства совпали во второй половине 30-х годов с аналогичным стремлением части американских историков и публицистов, стремлением, легко объяснимым на фоне консолидации консервативных сил и роста антирузвельтовских настроений, которые, как правило, были одновременно и прогуверовскими. Пожалуй, наиболее ярко эти

³³ Hamill J. The Strange Career of Mr. Hoover Under Two Flags. N. Y., 1931; Allen R. Why Hoover Faces Defeat. N. Y., 1932; Ligett W. The Rise of Herbert Hoover. N. Y., 1932; O'Brien J. Hoover's Millions and How He Made Them. N. Y., 1932.

³⁴ The Memoirs of Herbert Hoover, vol. 3, p. 220—225.

³⁵ Lindley E. The Roosevelt Revolution. L., 1934.

³⁶ The State Papers and Other Public Writings of H. Hoover: 2 Vol. / Ed. by W. S. Myers. Garden City, 1934; Hoover H. The Challenge to Liberty. N. Y.; L., 1934.

³⁷ Myers W. S., Newton W. H. Op. cit., p. 3; Wilbur R. L., Hyde A. M. Op. cit., p. X.

новые моменты прослеживаются в работах крупнейшего американского историка XX в. Ч. Бирда. Если в 1931 г. он назвал политику Гувера «опасной для общества», а в 1934 г., анализируя первые шаги Рузвельта, безоговорочно занес Гувера в список «старых» президентов, то в 1939 г., повернув на 180°, признал, что именно Гувер «обозначил разрыв от пассивности своих предшественников»³⁸.

Как проявление тех же стремлений и как противовес идее о «революционном» характере политики Рузвельта надо рассматривать и выдвинутый У. Липпманом в середине 30-х годов тезис о преемственности в политике Гувера и Рузвельта. Для Липпмана вся американская история XX в. выглядела как постепенное расширение функций государства, и каждый президент, начиная с Теодора Рузвельта, внес свой вклад в этот процесс. Поэтому он не видел качественных различий между политикой Гувера и Ф. Рузвельта и считал, что «большая часть программы восстановления президента Рузвельта есть эволюция программы президента Гувера»³⁹.

Таким образом, уже в 30-е годы внутренней политике Гувера были даны разные оценки, полярная противоположность которых отражала остроту тогдашней политической борьбы. Эта полярность оценок сохранилась и в 40-е годы. Так, А. Невинс, Г. С. Коммэйджер, Р. Хофстедтер причисляли Гувера к сторонникам доктрины государственного невмешательства и этим объясняли крах его политической карьеры⁴⁰.

Но, с другой стороны, в двух работах, непосредственно посвященных истории США в годы кризиса, делались попытки огрaдить Гувера от чрезмерных критических замечаний и выделить черты преемственности в политике Гувера и Рузвельта. Д. Вектер, например, не считал Гувера сторонником доктрины *laissez faire* и видел причину его неудач не в ретроградности программы, а в непригодности Гувера-политика для реализации этой программы. В такой интерпретации исчезало, естественно, качественное различие в политике двух президентов. Откровенно эту мысль сформулировал Б. Митчелл: «Его (Гувера.— А. К.) политика, явная и подразумеваемая, была ближе к программе нового курса, чем это принято считать»⁴¹.

Менее критичное отношение этих авторов к Гуверу — итог более критичной оценки «нового курса», обусловленной осознанием того непреложного факта, что экономическое восстановление стало результатом участия США во второй мировой войне, а не следствием реализации экономической программы Рузвельта.

³⁸ *Beard Ch. A. The Myth of Rugged American Individualism. New Deal Thought / Ed. by H. Zinn. N. Y., 1966, p. 10; Beard Ch. A., Smith Y. H. E. The Future Comes: A Study of the New Deal. N. Y., 1934, p. VIII; Beard Ch. A., Beard M. R. Op. cit., p. 90.*

³⁹ *Lippman W. The New Imperative. N. Y., 1935, p. 14.*

⁴⁰ *Nevins A., Commager H. S. Op. cit., p. 470; Hofstadter R. The American Political Tradition and the Men Who Made It. N. Y., 1948, p. 282.*

⁴¹ *Mitchell B. Op. cit., p. 57, 405; Wecter D. Op. cit., p. 41—42, 44.*

В любом случае мы можем констатировать, что попытки реабилитировать Гувера и его политику продолжались и в 40-е годы.

В следующем десятилетии это стремление получило новые мощные импульсы. Поправление политической обстановки в стране создало благоприятные условия для окончательного оформления неоконсервативного направления в буржуазной историографии, рассматривающего историю США как постепенный, равномерный процесс совершенствования буржуазных институтов при наличии классового «согласия»⁴². Отсюда одной из главных задач историков-неоконсерваторов стало доказательство существования и прямой преемственности политики Гувера и Рузвельта. Реализация этой задачи упрощалась в связи с утверждением в области методологии субъективизма, позволяющего рассматривать социально-экономические реальности в качестве декораций, на фоне которых встречались с судьбой исторические личности, и презентизма, дающего право писать историю в соответствии с партийными симпатиями. Возвращение же республиканцев в Белый дом после выборов 1952 г. сделало для них реабилитацию Гувера настоящей политической необходимостью.

Все это вместе взятое обусловило, на фоне утраты интереса к самому периоду экономического кризиса, оживление интереса к Гуверу и попытки не просто проследить линии преемственности в политике Гувера и Рузвельта, а доказать практическую идентичность их действий и взглядов. В американской историографии появились такие оценки: «Оба, Гувер и Рузвельт, в отличие от президентов девятнадцатого века, действовавших в период депрессии, предприняли усилия для восстановления экономики», — писал Г. Б. Паркс. «Сейчас ясно, что его (Гувера.— А. К.) политика отличалась от нового курса меньше, чем привыкли верить», — утверждал Г. Уолф. «...То, что сделал Гувер, было подготовкой для следующих шагов, известных в совокупности как новый курс», — писал Х. Г. Уоррен и добавлял: — И Гувер и Рузвельт были прогрессистами. Но Гувер был прогрессистом-черепахой, а Рузвельт — пронзающим прогрессистом». «...Герберт Гувер подготовил путь для Франклина Рузвельта и нового курса», — заключал А. Ромэско⁴³.

Поражение Гувера в 1932 г. в таком контексте выглядело по меньшей мере парадоксом, но, поскольку оно было фактом, его объясняли либо тем, что Гувер еще не в полной мере усвоил необходимость массированного государственного вмешательства, либо искусной антигуверовской пропагандой, либо чрезмерной эмоциональностью избирателей, не желавших понять истинный смысл политики Гувера⁴⁴. Другими словами, в поражении Гувера они видели значительный элемент случайности.

⁴² Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1977, с. 464—465, 467.

⁴³ Parks H. B. The United States of America: A History. N. Y., 1953, p. 628; Wolfe H. Op. cit., p. 225; Warren H. G. Op. cit., p. X, 256; Romasco A. U. Op. cit., p. 234.

⁴⁴ Warren H. G. Op. cit., p. 167, 294—295; Romasco A. U. Op. cit., p. 212—213, 234.

Явно неисторический характер такого рода построений не мог не вызвать в буржуазной историографии обратной реакции, тем более что реабилитация Гувера вызывала естественную тревогу у представителей оппозиционной фракции правящего класса. Однако эта реакция, завершившаяся оформлением неолиберального направления, в силу общих для буржуазной историографии того периода методологических установок оказалась столь же неисторичной⁴⁵.

Наиболее ярким свидетельством этого является работа А. М. Шлезингера-мл. Попытавшись в новых условиях доказать «революционный» характер «нового курса», Шлезингер видел в политике Гувера пример государственного невмешательства, а те мероприятия, которые все же были сделаны для улучшения экономического положения, были предприняты, с его точки зрения, вопреки желанию Гувера. Но чтобы быть последовательным в своих симпатиях, Шлезингер должен был объяснить, как Гувер, кумир либералов 20-х годов и в том числе и Рузвельта, стал консерватором в годы кризиса. Шлезингер вышел из этого положения, объявив о якобы существовавшей эволюции политики Гувера в годы кризиса в направлении доктрины *laissez faire*⁴⁶.

Как бы понимая искусственность этой конструкции Шлезингера, другие историки-неолибералы пытались смягчить столь жесткую оценку Гувера. У. Э. Лектенберг, например, не считая возможным определить политику Гувера как воплощение доктрины государственного невмешательства, а Дж. Хикс признал, что если Гувер и эволюционировал, то не в направлении этой доктрины, а, скорее, наоборот. К. Деглер расценивал Гувера как фигуру переходную. Анализируя при этом причины неудач его правительства и его поражения в 1932 г., одни указывали на то, что Гувер не понял необходимости «нового курса», а другие — что он пал жертвой им же запущенной пропагандистской машины, создавшей образ гениального политика, нелепый на фоне кризиса, третьи — на отсутствие у него впечатляющей индивидуальности или на неспособность его как политика идти на компромиссы, ладить с прессой и убеждать массы в своей правоте⁴⁷. Иными словами, оказывалось, что Гувер потерпел поражение именно потому, что не был Рузвельтом.

Известные сдвиги в американской буржуазной историографии 50-х годов так и не приблизили ее к окончательному ответу на вопрос о характере и значении деятельности правительства Гувера.

Осознание ограниченности теории «консенсуса» и субъективистской методологии было ускорено во второй половине 60-х годов, когда началась новая полоса американской истории и когда сама

⁴⁵ Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки, с. 472—475.

⁴⁶ Schlesinger A. M., Jr. Op. cit., p. 88—90, 243—244.

⁴⁷ Leuchtenburg W. E. Op. cit., p. 255, 264; Hicks J. D. Op. cit., p. 234; Degler C. N. Op. cit., p. 570—573, 576—580.

историческая действительность оказалась аргументом не в пользу этих постулатов. Следствием этого был методологический кризис, наиболее ярким проявлением которого стало оформление радикального, мелкобуржуазного «нового левого» течения. В политическом плане для этого течения характерно критическое отношение к системе государственно-монополистического капитализма США, а также «новые левые» историки выступили с критикой теории «консенсуса» и субъективистской методологии. Таким образом, это течение оформилось по преимуществу как критическое, причем критика для «новых левых» историков стала скорее самоцелью, чем прологом к созданию собственных фундаментальных исследований. В итоге они часто оказывались в замкнутом кругу критикуемых положений.

Так, поскольку главным объектом их критики была система государственно-монополистического капитализма в США, а она, как известно, сложилась в основном в годы «нового курса», критические стрелы «новых левых» полетели прежде всего в историков-неолибералов. Однако сколь ни обоснованным было стремление развенчать миф о «революционности» «нового курса», итогом его стала апология Гувера. «Новые левые» историки не просто поддерживали тезис неоконсерваторов о прямой преемственности политики этих президентов, как это сделал пионер «новой левой» историографии У. А. Уильямс и вслед за ним Б. Бернстайн и П. Конкин⁴⁸, а попытались доказать, что политика Гувера и сам президент имели для американской истории гораздо большее значение, чем «новый курс».

Возьмем, например, рассуждения Р. Химмелберга. Выделяя вслед за Уильямсом в американском обществе три функциональные группы: бизнес, профсоюзы и правительство — и считая, что доминирование одной из этих групп ведет либо к фашизму, либо к социализму, либо к бюрократии, он видел достоинство Гувера в том, что тот осознавал эти опасности и добивался баланса сил, последовательно отвергая притязания этих групп на верховенство. Рузвельт, с его точки зрения, пошел по другому пути, завершением которого стало формирование из элиты этих групп сплоченной олигархии⁴⁹.

Схема, как мы видим, довольно надуманная. Помимо странного определения роли правительства, в этой схеме непонятно, интересы какой функциональной группы защищал сам Гувер, если он боролся против претензий всех имеющихся. Может быть, свои собственные? Или провидения? Да и в конкретно-историческом плане в этой схеме не все на месте. Допустим, не надо доказывать, что Гувер был против гегемонии профсоюзов, можно

⁴⁸ Williams W. A. The Contours of American History. N. Y., 1961, p. 441; Toward a New Past: Dissenting Essays in American History / Ed. by B. J. Bernstein. N. Y., 1968, p. 267; Beyond Liberalism: The Left Views American History / Ed. by I. Unger. Toronto, 1971, p. 242.

⁴⁹ См. статью этого автора в кн.: Herbert Hoover and the Crisis of American Capitalism, p. 62—66.

истолковать его нежелание идти на значительное расширение государственного вмешательства как борьбу с бюрократией, но как доказать, что Гувер, плоть от плоти крупной буржуазии, — враг бизнеса.

Понимая, что это самый уязвимый пункт его рассуждений, Химмельберг попытался доказать, что в годы правления Гувера были ужесточены антитрестовские преследования. Но именно тогда, когда Химмельберг перестал заниматься социологией и занялся историей, он еще менее убедителен⁵⁰. Отмечая надуманность и антиисторизм этой схемы, мы, однако, должны констатировать, что Химмельберг, несомненно, обогатил апологетику Гувера, придав ему совершенно неожиданное качество борца против монополий.

Еще более неожиданно выглядел Гувер под пером Уилсон, которая в своей работе показала, что формирование концепции «новых левых» происходило во многом под воздействием критических взглядов Гувера по проблемам внешней политики США в 30—40-е годы⁵¹. Гувер — предтеча радикализма; пожалуй, это еще более резкий поворот в его историографии.

Доказывая, что политика Гувера была дальновидной, а его интеллект — выше, нежели у Рузвельта, «новые левые» должны были объяснить его парадоксальное в таком случае поражение. И здесь еще в большей степени проявилась ограниченность «новой левой» историографии. Фактически их объяснения свелись к повторению положений тех историков, общие схемы и методологию которых они критиковали. Уилсон, в частности, указывала на то, что Гувер не смог повести за собой массы, оказался не способен на компромиссы и эксперимент, другими словами, принимала субъективистскую точку зрения. Кроме того, «новые левые» не склонны были рассматривать вообще итоги выборов 1932 г. как критерий оценки гуверовской политики, поскольку они происходили не в ординарных условиях: кризис помешал избирателям объективно оценить программу Гувера. В таком контексте поражение его оказывалось случайным, но случайным оказывался и кризис, и, следовательно, «новый курс»⁵².

Признавая, что «новые левые» внесли несомненный вклад в активизацию демократического движения 60—70-х годов, мы тем не менее вынуждены констатировать, что их работы по интересующему нас сюжету, при всей их критической заостренности, отнюдь не стали качественно новым этапом в историографии Гувера. Реальным итогом деятельности «новых левых» историков была лишь более изощренная апологетика политики Гувера, опирающаяся на столь же надуманные и антиисторичные рассуждения и схемы. Поэтому, как бы парадоксально это ни выглядело,

⁵⁰ Ibid., p. 67—70; *Himmelberg R. F. The Origins of the National Recovery Administration*. N. Y., 1976, p. 105—106.

⁵¹ *Wilson J. H. Op. cit.*, p. 276—278.

⁵² Ibid., p. 158—160, 279—280; *Sternsher B. Consensus, Conflict and American Historians*. Bloomington; London, 1975, p. 278.

работы «новых левых» историков стали дополнительным импульсом к новым попыткам историков-неоконсерваторов уже не просто реабилитировать Гувера, а представить его взгляды и политику как нечто более значимое, чем Рузвельт и его «новый курс». Составители неоконсервативного по духу сборника «Гуверовское президентство. Переоценка» прямо писали: «Мы в долгу перед новыми левыми историками, которые в наибольшей степени ответственны за инициативу переоценки гуверовского президентства»⁵³.

Во многом это стремление было обусловлено и тем, что экономические кризисы 70-х годов были одновременно кризисом сложившихся в основном в годы «нового курса» форм государственного регулирования экономики. Оживление интереса к периоду экономического кризиса 1929—1933 гг., характерное для 70-х годов, шло поэтому параллельно с ростом критицизма в отношении наследия Рузвельта. Историки-неоконсерваторы придали этому критицизму прогуверовскую направленность.

Теперь им уже не надо было доказывать, что Гувер был «первым из новых» президентов: они это просто констатировали. Э. Робинсон и В. Д. Борнет писали, что его политика была «радикальным отходом от политики — или отсутствия политики — его предшественников на посту президента», а Р. Собел отмечал: «...Гувер был не реакционером, а способным, активным, вполне современным лидером, чье желание расширить власть президента и правительства и использовать их в борьбе с депрессией заставляло многих считать его социалистом в 1929—1933 годах»⁵⁴. Признавалась аксиоматичной принципиальная преемственность политики Гувера и Рузвельта. Центр тяжести исследовательской работы историков этого направления лежал теперь уже в области поисков оригинальности политики Гувера, но в рамках этого принципиального тождества.

Наиболее интересны в этом плане работы Э. У. Хоули. Выделяя в качестве центральной проблемы американской политики XX в. поиск путей и средств приспособления «индустриального строя» и присущих ему «коллективистских» тенденций к либерально-демократическим, индивидуалистическим традициям Америки, Хоули считал, что политика Гувера, как и Рузвельта, была попыткой решения этой проблемы. Различия между ними сводились, по его мнению, к разным концепциям «управляемой экономики»: Гувер был сторонником «самоуправления» бизнеса через отраслевые «торговые ассоциации», при котором роль государства сводилась к определению общей задачи и координации усилий в направлении реализации этой задачи, в отличие от Рузвельта с его чисто «стейтистским» подходом, предполагающим решающую роль

⁵³ The Hoover Presidency: A Reappraisal, p. 20. См. также: Гаджиев К. Г. Некоторые проблемы современной американской «новой левой» историографии. — В кн.: Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977.

⁵⁴ Robinson E. E., Bornet V. D. Op. cit., p. 131—132; Sobel R. Op. cit., p. X.

ударства в регулировании экономики. Общие цели и побудительные мотивы обоих президентов подтверждаются, по мнению Хоули, и общностью идейных истоков этих двух концепций, которые лежат в основе идеологии прогрессизма⁵⁵.

Схема Хоули получила довольно широкое распространение. Правда, соглашаясь с Хоули в целом, некоторые историки не согласны с его трактовкой идейных истоков гуверовского подхода. Так, Дж. Д. Нэш считал его концепцию равнодействующей двух доктрин, определивших все мировоззрение Гувера: сайентизма с присущей ему верой в науку, рациональность человека и возможность социальной инженерии, с одной стороны, и социально-этической доктрины квакеров с ее акцентом на индивидуализм и верой в прогресс — с другой. Д. Бернер и Т. Р. Уэст усматривали связь подобной гуверовской концепции с технократическими идеями Т. Веблена⁵⁶.

При этом характерной чертой этих работ является стремление доказать, что гуверовская концепция «самоуправления» в большей степени соответствует американским традициям, чем «новый курс». Основанием для такого умозаключения, как правило, является критическая оценка итогов государственного регулирования экономической и социальной жизни в 70-е годы. Другими словами, вместо конкретно-исторического подхода к событиям тех лет выдвигается опять презентистский. Правда, в отличие от «новых левых» эти историки не считают всю полосу исторического развития США, начатую «новым курсом», досадным отклонением от «нормы», которое можно не принимать во внимание. Но тем не менее М. Л. Фаусолд и Дж. Т. Мэзьюэн, например, считают, что гуверовские «цель и видение американского индивидуализма, презрения к *laissez faire* и индивидуализму в духе Самнера были, возможно, гораздо более важными для американского будущего, чем левнафановская политика нового курса»⁵⁷.

В этой связи представляет интерес трактовка этими историками причины поражения Гувера в 1932 г. Хоули, который наиболее близок к позиции буржуазного объективизма и историзма, находит в гуверовской концепции «самоуправления» элементы утопии, которые в годы кризиса проявились в нереалистической политике. Он считает, что Гувер переоценивал желание и способности предпринимателей к «сотрудничеству» и, настаивая на нем даже тогда, когда они дружно потребовали принудительного картелирования, потерял их доверие и дискредитировал саму идею. Подобным же образом Гувер переоценил «здоровье» американской экономики, а продолжая выступать с идеей «саморегули-

⁵⁵ Herbert Hoover and the Crisis of American Capitalism, p. 3—27; *Hawley E. W. Herbert Hoover and American Corporatism, 1929—1933.* — In: *The Hoover Presidency: A Reappraisal*, p. 118—119.

⁵⁶ Herbert Hoover and the Crisis of American Capitalism, p. 88—98; *Burner D. West T. R. A Technocrat Morality. Conservatism and Hoover the Engineer.* — In: *The Hofstadter Aegis: A Memorial* / Ed. by S. Elkins, E. McKittrick. N. Y., 1974, p. 251—252.

⁵⁷ *The Hoover Presidency: A Reappraisal*, p. 25.

рования» и сдерживая государственное вмешательство, не только подорвал доверие к идее, но и открыл тем самым дорогу альтернативной концепции «управляемой экономики» и расширению «государственной бюрократии». Таким образом, по Хоули, главная причина поражения Гувера — несоответствие его идей, носящих отчасти утопический характер, требованиям момента, что не исключает, однако, необходимости внимательно изучать эти идеи как попытки концептуализировать политические проблемы США XX в.⁵⁸

Дж. Д. Нэш не видит этих элементов утопизма в концепции Гувера, чья трагедия состоит лишь в неспособности перевести свои идеалы в область практической политики. В годы кризиса нужны были решительные действия, а не абстрактные рассуждения, какими бы хорошими они ни были, считает Нэш и приводит длинный перечень уже знакомых недостатков Гувера-политика: отсутствие «магнетизма», нерешительность, чрезмерная чувствительность к критике, неспособность на компромиссы и т. д. Другими словами, причина поражения Гувера — он сам⁵⁹.

Примерно также субъективистски оценивают причины поражения Гувера Э. Робинсон и В. Д. Борнет. Гувер, по их мнению, заняв недостаточно четкую критическую позицию по отношению к повышению тарифов и «сухому закону», дал основание идентифицировать себя с реакцией, в то время когда избиратели жаждали перемен⁶⁰.

Особый интерес в этом плане представляет работа Г. Ллойда о политическом стиле Гувера. Ллойд использовал высказанный еще авторами «Вашингтон мерри-гоу-раунд» тезис о значительной роли в политической карьере Гувера созданного пропагандистской машиной идеального образа («имидж») Гувера. Но при этом Ллойд считал, что этот идеализированный образ был не следствием целенаправленных усилий Гувера и его помощников, а побочным продуктом свойственного Гуверу стиля работы «за сценой», предполагавшего использование прессы для стимулирования интересов общественности и создания тем самым политического давления в нужном направлении.

Формирование этого стиля Ллойд относил ко времени его первых шагов на политическом поприще, генезис его связывал с характерными для личности Гувера застенчивостью и замкнутостью, которые, по мнению Ллойда, были следствием его сиротского детства и отрочества. В годы кризиса Гувер использовал этот стиль для поддержания оптимистических настроений, поощрения местной инициативы и «самоуправления». Но, замечает Ллойд, «в период, отмеченный растущей несостоятельностью местных институтов, очевидным сокращением объема строительства, уровня заработной платы, а также ростом безработицы, продолжавшаяся пастойчивость администрации относительно местных добро-

⁵⁸ Herbert Hoover and the Crisis of American Capitalism, p. 22—27.

⁵⁹ Ibid., p. 102—111.

⁶⁰ Robinson E. E., Bornet V. D. Op. cit., p. 268—274.

вольных усилий и ее оптимистические оценки ситуации создали широкий очевидный разрыв между наблюдаемой реальностью и официальной оценкой». Это привело к падению престижа и правительства и разрушило гуверовский «имидж». Таким образом, заключал Ллойд, Гувер пал жертвой своего политического стиля, а не кризиса⁶¹.

Как мы видим, большинство из историков опять-таки сводят эту проблему к личности Гувера. Это дает им, помимо всего прочего, основание сделать вывод о том, что на выборах потерпела поражение не его концепция, а его политические способности. А для некоторых из этих историков и сам факт поражения Гувера как политика не повод для его порицания. Нежелание Гувера апеллировать к массам, стремление действовать «за сценой», используя преимущественно «элику», — это, по мнению Робинсона и Борнета, пример подлинно конституционного правления, полюбленного, начиная с «эры Джексона», политиками-демагогами, опирающимися на массовые движения. В этом смысле, как писали Фаусолд и Мэзьюзэн, «крах Гувера как президента может стать в исторической перспективе его успехом». Пренебрежительное отношение к массе, к «толпе» обуславливает снисходительную оценку ими вердикта избирателей 1932 г., тем более что, по мнению Робинсона и Борнета, доминирующим фактором на выборах была «утрача народом морали»⁶².

При этом «элитизм» Гувера вовсе не означал, по их мнению, что он был глух к нуждам народа. Д. Дж. Лизио, например, рассматривая отношение Гувера к ветеранам войны, организовавшим в 1932 г. поход на Вашингтон, который, как известно, закончился их насильственным выдворением из столицы с помощью армии, показывает, как Гувер «за сценой», наоборот, помогал ветеранам. Его же решение как главнокомандующего использовать армию было итогом категоричных требований городских властей, которое к тому же было превратно истолковано генералом Макартуром, возглавившим эту операцию. Рисуя Гувера гуманным и отзывчивым к нуждам обездоленных в обстоятельствах, менее всего благоприятных для доказательства существования у него таких качеств, Лизио пытался не только изменить традиционное отношение к Гуверу, но и смыть одно из самых грязных пятен с его политической карьеры⁶³.

В целом, таким образом, усилия историков неоконсервативного и «нового левого» направлений, нацеленные на окончательную реабилитацию Гувера, достигли в 70-е годы, в силу целого ряда благоприятствующих обстоятельств, подлинного апогея. Но итогом этой масштабной переоценки деятельности Гувера стала довольно странная панорама американской истории XX в., на которой чуть ли не центральное место заняла трагическая, но величественная

⁶¹ *Lloyd G. Op. cit.*, p. 3—6, 11—12, 161, 175.

⁶² *Robinson E. E., Bornt V. D. Op. cit.*, p. 33—34, 273, 306; *The Hoover Presidency: A Reappraisal*, p. 25.

⁶³ *Lizio D. J. Op. cit.*, p. 1—4, 73—74, 80, 104—105, 192.

фигура Герберта Кларка Гувера, как бы возвышавшаяся над недостойными ее величия реальностями исторической жизни народа и почти затмившая своей тенью теснящихся до и после него президентов. Надо ли сомневаться в том, что эта картина не могла показаться убедительной, хотя бы с точки зрения историков-неолибералов.

И действительно, последние, несмотря на то что они оказались под критическими стрелами и «новых левых» историков, и своих старых оппонентов неоконсервативного толка, нанесли в эти годы и ряд ощутимых контрударов. Так, Р. Дэниэлс в 1971 г. опубликовал исследование событий, связанных с историей похода вето-ранов войны на Вашингтон в 1932 г. и его трагическим финалом. «Никакой другой инцидент, возможно, так не символизирует абсолютную неспособность правительства Герберта Гувера понять и решать беспрецедентные проблемы великой депрессии», — писал он. По его аргументированному мнению, Гувер в течение всего этого времени находился во власти панических настроений, постоянно проводил параллели между положением в Вашингтоне и ситуацией 1917 г. в Петрограде и с самого начала был сторонником насильственного изгнания ветеранов из столицы. Организация помощи ветеранам была, по мнению Дэниэлса, делом рук генерала П. Глэссфорда, начальника полиции Вашингтона, сочувственно отнесшегося к их требованиям⁶⁴. Опубликование этой работы и подтолкнуло, думается, Лизио к написанию и изданию через три года книги, содержащей неоконсервативную версию тех же событий.

Позже, в 1977 г., Э. Розен опубликовал фундаментальную работу, целью которой было сравнительное исследование видения проблем экономического кризиса в окружении Гувера и в окружении Рузвельта и выводы из которой были прямо направлены на подрыв кампании по реабилитации Гувера. Для Розена программа этого президента не больше чем «модифицированная политика *laissez faire*», а он сам — олицетворение «старого порядка», не только не имевший ничего общего с Рузвельтом, но и значительно уступавший ему как по способностям политика, так и по интеллектуальной готовности к решению проблем, поставленных кризисом⁶⁵.

Учитывая эти работы, и особенно книгу Э. Розена, можно констатировать, что усилия неоконсервативных и «новых левых» историков добиться утверждения их версии ответа на роковой вопрос о месте Гувера в политической истории США XX в. оказались в значительной степени бесплодными. Более того, дискуссия вокруг этого рокового вопроса рискует вернуться «на круги своя».

И подводя общие итоги почти полувековой дискуссии буржуазных историков о внутренней политике администрации Гувера,

⁶⁴ Daniels R. Op. cit., p. 3, 92—94, 172.

⁶⁵ Rosen E. A. Op. cit., p. 2—4, 40—41, 53.

мы должны отметить, что она на протяжении всего этого периода вращалась в кругу все тех же стереотипных, полярно противоположных подходов, для одного из которых была характерна апологетика Гувера, для другого — его критика. Это объясняется политической актуальностью исторических проблем 30-х годов — поворотного пункта в истории США XX в. — и сохранением по-прежнему тенденции к четкому размежеванию, присущему политической борьбе. Однако главная причина этого коренится в буржуазной методологии истории, для которой характерны субъективизм при анализе исторического процесса и презентизм в оценке событий прошлого. Ограничивая с самого начала анализ исторических событий сопоставлением личностей, буржуазные историки лишались объективных критериев оценки деятельности этих личностей. Замена объективных критериев оценками, представляющими собой не что иное, как проецирование политических оценок текущего момента на прошлое, не привела, как и следовало ожидать, к выходу из этого тупика. Поэтому историографическая дискуссия и приобрела характер безысходного круговорота.